

2. ГАИО. — Ф. 31 (Управление Строительной и Дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе (1859–1919 гг.)). — Оп. 1. — Д. 680.

3. Закон о срочном пароходном сообщении по реке Селенге // ПСЗ. — Собр. 3-е. — СПб., 1915. — Т. XXXII.

Информация об авторе

Гузенков Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник научной библиотеки, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 24.

Author

Sergey V. Gusenkov — Ph.D. in History, Researcher of Scientific Library, Irkutsk State University, 24 Gagarin boulevard, 664003, Irkutsk, Russian Federation.

УДК 342(571.54)
ББК 67.3(2Рос.Бур.)

**Б.Ц. ЖАЛСАНОВА,
Л.В. КУРАС**

ИСКОВЫЕ ДЕЛА СУДОПРОИЗВОДСТВА У БУРЯТ В XIX ВЕКЕ

В статье анализируется деятельность судов словесной расправы у бурят в XIX в., что стало важной привилегией бурят и способствовало укреплению власти местных родоначальников. В качестве примера рассматриваются наиболее характерные дела, к которым относятся исковые дела инородцев в пределах родового управления.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев, суд словесной расправы, родовое управление, инородная управа, местная полиция, исковые дела.

**B.Ts. ZHALSANOVA,
L.V. KURAS**

WRITS OF LEGAL PROCEDURE AMONG THE BURYATS IN XIX CENTURY

The article analyzes the verbal court's activity among the Buryats in XIX century. It has become the significant privilege of the Buryats and has contributed to the consolidation of power of local founders. The most typical writs which are related to Non-Russians' writs within patrimonial administrations have been considered as an example.

Keywords: Charter on management of Non-Russians, verbal court, patrimonial administration, Non-Russian government, local police, writs.

До присоединения Бурятии к России все виды преступлений и правонарушений у бурят регулировались нормами обычного права. Со

времени присоединения Бурятии к России постепенно усиливается влияние российского законодательства, а «Инструкцией пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. были изъяты из ведения инородных властей так называемые «криминальные дела».

Устав об управлении инородцев 1822 г. в этом отношении существенных изменений не внес. «В уголовных только преступлениях, — говорится в Уставе, — кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям». Местные органы не могли рассматривать такие уголовные дела как: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества» [12, с. 396]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородными властями.

Согласно Уставу, инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа — вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления, или же разборе дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Таким образом, все инородческие дела решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы.

Е. Залкинд отмечает, что право судиться судом родоначальников по своим законам было важной привилегией, предоставленной бурятам С.Л. Владиславичем-Рагузинским. С одной стороны, эта льгота избавляла бурят от вмешательства русских чиновников, с другой стороны, усиливала власть местных родоначальников [9, с. 123]. В целом право собственного судопроизводства по нормам обычного права являлось для бурят необходимостью. Об этом писал А. Кистяковский в рецензии на сборник Д.Я. Самоквасова: «Состояние инородцев характеризуются: 1) непостоянством их жительства; 2) степенью их гражданского образования; 3) простотой нравов; 4) особыми обычаями; 5) образом пропитания; 6) трудностью взаимных сообщений ... Отсюда следуют общие правила в образе их управления: в частных делах предоставить инородцам кочевым словесную расправу, по собственным их обычаям и законам и уменьшить число предметов, подлежащих судебному разбирательству» [10, с. 2–3].

Родовое управление, как первая степень суда словесной расправы, рассматривала исковые дела между инородцами в пределах родового управления. В состав инородческого суда 1-й степени входили родовой староста, почетные родовичи. В основном исковые дела рассматривались устно по нормам обычного права.

Инородная управа как вторая степень суда словесной расправы разбирала дела между людьми разных улусов или же в случае неудовлетворенности решением суда первой степени словесной расправы — родового управления. Состав суда состоял из головы и выборных. Так, в состав инородческого суда 2-й степени Тургинской инородной управы входили голова Линхово Санжиев и два выборных Жамбал Жаргалов и Вандан Очиров [7, д. 158, л. 1].

Земская полиция, как суд словесной расправы третьей степени, могла вмешаться только при наличии жалоб со стороны инородцев, которые реально далеко не всегда направлялись ими из-за ряда очевидных причин:

- боязнь и зависимость населения от должностных лиц, которыми, как правило, были представители знати;
- безграмотность большинства коренных жителей Сибири препятствовала отправлению письменной жалобы;
- инородцам запрещалось согласно § 182 Устава 1822 г. без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние большее двух дней пути.

Таким образом, инородная управа фактически являлась высшей ступенью суда словесной расправы.

В архивных фондах органов местного самоуправления бурят наиболее полно представлены судебные дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, семейным раздорам с калымом и разделом имущества, расследованием краж скота и имущества. Например, в Хоготовской инородной управе судом 2-й степени словесной расправы в 1908 г. было рассмотрено 40 дел, из них 12 дел — иски о взыскании долга, 9 — о нанесении побоев, 4 — о спорном имуществе, 4 — о спорных покосах, 3 — о калыме и т.д. [5, д. 490, л. 6–15].

Массовый характер в судопроизводстве инородных управ имели исковые дела. К их числу относятся заявления о взыскании денежных долгов, имущества и скота, протоколы допросов истцов и ответчиков, распоряжения об исполнении исковых заявлений, описи имущества должников. Например, в фонде Аларской инородной управы имеется заявление Н. Бирдаева о взыскании денег в размере 100 р. с Д. Шелгаева [4, д. 40], в фонде Хоготовской инородной управы прошение Харахинова о взыскании 29 р. и 9 пудов овса с Б. Богомоловой [5, д. 147] и т.д.

В основном долговые обязательства возникали между бурятами по невыполненным условиям трудовых договоров. Согласно ст. 38 Положения об инородцах 1892 г. наймы инородцев в частную работу производи-

лись с ведома родового начальства на основании правил, изложенных в приложении 1 [13, с. 5]. При найме на работу составлялись условия с указанием срока работы, оплаты, суммы задатка, которые регистрировались у родового старосты или в инородной управе в особой явочной по наймам книге. Условия могли также заключаться словесно у родового старосты или инородной управе при двух свидетелях. Срок найма не должен был превышать одного года. В Приложении не запрещалось делать наймы на работу словесно и без письменных условий, но в этом случае такие договора, основанные на одном личном доверии, в случае неустойки, не подлежали никакому судебному разбирательству [5, д. 147, л. 73–75].

Так, по иску крестьянина Ивана Пляскина к Жагжи Ардуеву о взыскании с него 25 р. Тургинская инородная управа отвечает отказом, так как этот контракт не был зарегистрирован в управе: «... в кочевьях сибирских инородцев наймы явочные должны быть явлены у родового старосты, в инородной управе, без соблюдения этого закона составленные документы не имеют значения» [5, д. 45, л. 7].

Трофим Лукьянов, крестьянин Тыргетуевской волости Ундургинского селения, пишет заявление-жалобу в инородную управу на Дугана Доржиева, который взял у него 39 р. авансом за работу по контракту, засвидетельствованному в управе. После разбирательства заключается мировая сделка: Доржиев дает коня по цене 24 р. и 15 р. деньгами. Решение регистрируется в управе, подписывается истцом и ответчиком [7, д. 68, л. 1–1 об., 7–7 об.].

Крестьянин Смирнов подает заявление в родовое управление о взыскании с Ошира Онгоева денег за недокошенное сено по устному договору, недостачу одного барана и одного быка. Родовое управление отказывает в иске на основании проверки документов, опроса свидетелей. Смирнов подает заявление в инородную управу о пересмотре решения родового управления. Тургинская инородная управа, изучив обстоятельства дела, выносит решение: «Иск просителя Смирнова с инородца Онгоева денег есть неосновательный и не имеющий практических доказательств или же обязательства, требуемых законом, а потому определяет: решение Урто-Тургинского родового управления, состоявшееся 19 декабря 1894 г., как составленное правильно, утвердить» [7, д. 73, л. 18–18 об.].

Иск о взыскании Оширом Багатхоевым денег в сумме 41 р. с Убодой Озонова за неотработанные дни по контракту суд 1-й степени признал, но Абаганатская инородная управа отказала в его удовлетворении на том основании, что договор не был зарегистрирован у родового начальства. Иркутское полицейское управление утвердило решение управы.

Вопросы по частным и общественным займам у инородцев регулировались Приложением II к статье 38 Положения об инородцах, нор-

мами обычного права. Долговые документы или обязательства должны были оформляться с соблюдением правил о гербовом сборе, с указанием занятой суммы, срока платежа, дозволением, одобрением и поручительством членов инородной управы. Поручителем могли выступить также само общество инородцев, или отдельные члены общества [11, с. 100–101]. К судебному разбирательству подлежали долговые обязательства, зарегистрированные в родовом управлении или инородной управе [11, с. 77–78]. Так, в 1892 г. Батороева, жительница Ользоновской инородной управы, подала иск на взыскание с Хамаганова и Одорова 60 р. на основании письменной расписки, засвидетельствованной в управе. Суд 1-й степени, не приняв во внимание письменный засвидетельствованный документ, приговорил к божбе, но суд 2-й степени отменил решение и утвердил иск [8, д. 36, л. 24–27].

Исковые дела часто возникали по долговым обязательствам. Так, в течение десяти с лишним лет продолжалось исковое дело Абида Аригунова, буряты Шарайтского рода Агинского ведомства. Он взял в долг 300 р. у Н. Очирова, договор займа был зарегистрирован в Кялинской инородной управе, однако он не смог вовремя вернуть долг, поэтому сумма с процентами увеличилась до 500 р., а затем до 700 р. Он смог выплатить только 475 р., и 12 ноября 1878 г. А. Аригунов пишет прошение в Читинское окружное полицейское управление с просьбой пересмотреть решение инородной управы от 30 декабря 1877 г. о взыскании с него 700 р.

Читинское окружное полицейское управление отказало А. Аригунову в иске на том основании, что прошение написано по истечении четырехнедельного срока после принятия решения инородной управы. Дело рассматривалось в Забайкальском окружном суде, который в 1890 г. принял окончательное решение о правильности решения Кялинской инородной управы о взыскании с А. Аригунова 700 р. Таким образом, у А. Аригунова было описано имущество, и он вынужден был отдать еще 10 голов скота: пять голов лошадей, три кобылицы и два быка [6, д. 30, л. 2].

Причиной исковых дел были также долговые обязательства перед купцами. Так, в 1875 г. О. Очиров обращается с иском в суд 2-й степени о взыскании с Ч. Занданова денег за товары, купленные у него на сумму 152 р. В свою очередь, О. Очиров взял товары у читинского купца Матвея Немерова под реализацию. Дело рассматривается во всех инстанциях судопроизводства; в 1887 г. Сысыкто Кирилов задолжал тому же купцу М. Немерову 2250 р. Дело рассматривалось в инородной управе, по решению которой было описано все имущество С. Кирилова и продано с аукциона: 10 голов быков, пять голов коров, 19 иргенов, 95 голов больших овец и т.д. [6, д. 93, л. 145].

Долговые обязательства также возникали и тогда, когда буряты брали деньги в долг под проценты для уплаты казенных взносов. В случаях

несвоевременной уплаты долгов кредиторы обращались с прошениями в инородную управу о взыскании их с должников. Из описанного имущества с торгов обычно продавали скот, при отсутствии скота — дом. Так, Г.А. Рудзинский обращается с прошением в Абаганатскую управу о взыскании с Николая и Мигну Помитовых долга в сумме 41 р., взятого ими для уплаты податей [6, д. 8, л. 16].

Если должник оказывался не в состоянии оплатить долг, то описывалось его имущество и назначались торги. По нормам обычного права, «если кто, много задолжав, станет хозяйственно маломощным, то податные сборы и недоимки в экономический магазин заставить выплатить из его имущества, а долги другим заставить выплатить поручителей, и права заимодавца получают те поручители» [11, с. 101].

В 1894 г. Алексей Атарханов, инородец Абаганатской управы, был сборщиком мирских сборов и допустил недостачу общественных денег в сумме 25 р. В опись его имущества вошли деревянный дом стоимостью 75 р., амбар — 40 р., четыре головы лошадей на 80 р., четыре головы рогатого скота на 60 р., домашний и хозяйственный инвентарь на 150 р. [3, д. 20, л. 9]. Другой пример: инородцы Чебогорского улуса Китойской инородной управы М. Хармадаев и Н. Зандеев заняли деньги у И. Нохоноева для уплаты сбора на строительство школы. Первый занял 11 р. 50 к., второй 5 р. 75 к. и не смогли вовремя вернуть. Голова Б. Болотов описал у Хармадаева корову, оценив в 15 р. и кошеву в 6,5 р.; у Зандеева корову в 15 р. и самовар в 5 р. Был объявлен аукцион, имущество продано и деньги возвращены И. Нохоноеву [1, л. 50–50 об.].

Процесс судопроизводства можно проследить на основании расследования дела по иску бурята 3-го Абаганатского рода Атархана Андаева к одноулуснику Тырхей Шапхолову, который увел в его отсутствие жену с малолетней дочерью, при этом оставив четырехмесячного сына и захватив вещи из дому на сумму 136 р. серебром. Впоследствии они приняли святое крещение и повенчались у миссионера-священника.

Суд 1-й степени (согласно Уставу об управлении инородцев родовое управление) в составе старосты, улусного старшины и общественных-родовичей, рассмотрев иск А. Андаева, вынес 20 ноября 1857 г. мирской приговор, в котором выразил недоверие к Т. Шапхолову, который уже наказывался инородческим судом по степным законам дважды: 1) за кражу скота платил ялу; 2) за вторичную кражу скота наказывался 25 ударами лозами. На основании этих фактов суд приговорил «по неоднократному замечанию Тырхея Шапхолова в кражах и потерявшего через то в поведении доверия к оправданию, заплатить за похищенное имущество» [2, д. 966, л. 3–4].

Сторона обвинения осталась неудовлетворенной решением суда 1-й степени и поэтому дело рассматривалось в суде 2-й степени — в Степной думе, которая в нарушение Устава об управлении инородцев 1822 г.

исполняла роль суда 2-й степени. Своим приговором от 26 ноября 1857 г. суд подтвердил решение суда 1-й степени, однако по недовольствию стороны обвинения дело было направлено на рассмотрение Иркутского земского суда, который оставил в силе решение суда 2-й степени.

Таким образом, Т. Шапхолов обязан был вернуть истцу А. Андаеву 136 р. серебром в течение одного года. Однако в течение года Т. Шапхолов не смог вернуть эту сумму, поэтому Степная дума 15 июня 1859 г. приняла постановление описать его имущество и «просить разрешения начальства на продажу одного рода аукционного торга». 13 июля 1859 г. староста 3-го Абаганатского рода отправляет донесение Степной думе о том, что у Т. Шапхолова не оказалось никакого имущества, кроме «носильного платья». Тогда Степная дума 27 августа 1859 г. выносит постановление об отправке Т. Шапхолова в «городские работы на уменьшительный срок», руководствуясь 1310 статьей X тома второй части о разборе исков между сибирскими крестьянами и инородцами.

13 декабря 1859 г. Иркутский земский суд отписывает Степной думе, что Т. Шапхолов отдан в работу иркутскому купцу А. Кудрину сроком на один год за 50 р., из которых 20 р. отдаются семье Т. Шапхолова, а оставшиеся 30 р. — А. Андаеву [2, д. 966, л. 47].

Продажа с торгов описанного за долги скота и имущества наносила большой урон хозяйству местного населения. Поэтому 6 февраля 1908 г. вышло предписание Иркутского губернского правления о неотчуждаемости имущества инородцев по судебным и другим взысканиям. Устанавливалась норма, при которой можно было описывать имущество за неуплату долгов — шесть голов лошадей, восемь голов крупного, 12 голов мелкого скота. В связи с этим Абаганатская инородная управа пишет письмо крестьянскому начальнику 5-го участка о нереальности этих норм для населения управы, так как только один домохозяин имеет 40 голов крупного и мелкого скота, 10 домохозяев — по 6–10 голов крупного скота и лошадей, 17 голов мелкого скота, а основная масса домохозяев — по две-четыре лошади, две-шесть голов крупного и пяти голов мелкого скота [3, д. 183, л. 3–4]. 24 января 1911 г. Иркутский уездный съезд крестьянских начальников указывал, что «описанное имущество может быть продано без особого расстройтва хозяйства недоимщиков» [3, д. 120, л. 2].

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 149. — Оп. 1. — Д. 73.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. 1. — Оп. 1.
3. ГАРБ. — Ф. 15. — Оп. 1.
4. ГАРБ. — Ф. 17. — Оп. 1.
5. ГАРБ. — Ф. 18. — Оп. 1.
6. ГАРБ. — Ф. 103. — Оп. 1.
7. ГАРБ. — Ф. 178. — Оп. 1.
8. ГАРБ. — Ф. 184. — Оп. 1.

9. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половине XIX века / Е. М. Залкин. — М. : Наука, 1970. — 400 с.

10. Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права / А. Кистяковский. — СПб., 1876. — 25 с.

11. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности: пер. с монг. — Новосибирск : Наука, 1992. — 312 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. Ст. 29126. 1 собр. — Т. 38. — СПб. : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — 1355 с.

13. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. — Т. II. СПб. : Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1892. — 436 с.

Информация об авторах

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна — доктор исторических наук, директор, Государственный архив Республики Бурятия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 54, e-mail: butit62@mail.ru.

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Butit Ts. Zhalsanova — Doctor habil. (History), Director, State Archives of the Buryat Republic, 54 Lenin str., 670001, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: butit62@mail.ru.

Leonid V. Kuras — Doctor habil. (History), Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 338(571.53)(09)

ББК 65.9(253.7)г

А.М. КУРЫШОВ

ИЗМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НИЖНЕИЛИМСКИХ ТУНГУСОВ В XVII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Исследуются основные этапы трансформации традиционного хозяйства тунгусов Нижнего Илима с позиций системного подхода. Делается вывод о кризисе традиционного хозяйства нижеилимских тунгусов к началу XX века, что привело к их ассимиляции русским населением.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, тунгусы, Нижний Илим, история Сибири.